

Новизна в науке

Немного о психологии научного восприятия

Начнем с цитаты из Новой Хронологии Фоменко-Носовского:

«Гробница Рамзеса IV в Долине царей – ближайшая к входу в долину. Ее вид снаружи показан на рис. 7.43, а план внутреннего устройства – на рис. 7.44. В 2002 году мы дважды посетили эту гробницу, внимательно осмотрели ее, обмерили и сфотографировали. В погребальной камере Рамзеса IV сохранился его гигантский саркофаг, сделанный из серого гранита – скорее всего из геополлимерного, рис. 7.45. По поводу египетского геополлимерного бетона см. главу 10.

Стоит отметить, что по своим размерам саркофаг Рамзеса IV сильно выделяется среди других саркофагов Долины царей, которые нам довелось увидеть. 50-метровый ход, идущий с уклоном вниз от устья гробницы Рамзеса IV до его погребальной камеры и имеющий примерно 265 см в ширину и 280 см в высоту, лишь впритык мог пропустить через себя саркофаг такого размера. А через древний вход в Долину царей он вообще не мог пройти никаким образом. Это привело в немалое изумление французов из армии Наполеона, когда они впервые попали сюда и сравнили размеры саркофагов с шириной единственного входа в Долину, прорубленного в скале [49], с. 47-48. (сегодня этого старого лаза в Долине царей уже нет - скалу на его месте взорвали и построили широкую дорогу для туристов).

Размеры саркофага Рамзеса IV впечатляют. Его высота без крышки составляет 240 см – что уже гораздо больше человеческого роста, - ширина 205 см и длина 350 см. Массивная гранитная крышка саркофага выполнена в виде огромного картуша и имеет в высоту 65 см (все эти измерения сделаны нами). Таким образом, общая высота всего саркофага превышает 3 метра. Он занимает собой значительную часть погребальной камеры, рис. 7.46» [1]

С точки зрения логики, приведенная цитата является необходимым и достаточным доказательством геополлимерного происхождения не только самого саркофага, но и египетских пирамид. Прочее уже даже излишне. Оно лишь может ему не противоречить или дополнительно подтверждать.

Но вот что удивительно. То, что *«привело в немалое изумление французов из армии Наполеона»*, нимало не изумляет историков. Быть может как раз для того *«скалу на его месте взорвали и построили широкую дорогу»*, чтобы туристы не задавали лишних вопросов. А то ведь не иначе как с помощью полтергейста и телепортации пришлось бы объяснять доставку саркофага на место. Конечно, А.Т. Фоменко этим не одурачить, но он-то всего один. Зато историков много. Всех их не переспорить, если они этого *не захотят*.

Здесь главное состоит в том, что само по себе изобретение геополлимерного бетона никак не связано с вопросами хронологии. Оно определяется только возможностями технологии. В которой историки понимают не больше, чем в математике. Однако *имеют мнение* и всегда готовы его отстаивать, даже вопреки здравому смыслу.

В этом и заключается *главная проблема науки*. Не только истории. Любая другая проблема, как бы сложна она ни была, – пустяк в сравнении с этой главной. Определяемой психологией научного восприятия. Она называется нежеланием учеными новизны, хоть сколько-нибудь влияющей на мировоззрение. В любом ее проявлении. Никакими аргументами нельзя заставить ученого изменить мировоззрение, если он этого не желает.

Теория может быть сколь угодно революционной, лишь бы только она при этом ничего фактически не меняла. А если и меняла, но где-то на периферии науки, в такой ее области, которая до сих пор вообще не рассматривалась. Скажем, при скоростях света или в области микромира. Главное условие – тривиальность, чтобы «классическая» наука, вместе с ее

авторитетами при этом не пострадала. Ну, разве что слегка расширилась на некие недосыгаемые доселе области. Реальных же переворотов ученые, конечно же, не потерпят.

Здесь единственный верный способ эффективного убеждения является чисто эзотерическим. Он назван Карлосом Кастанедой «остановкой мира».[2]

Поясняемой таким наглядным примером: внезапно из кустов выскакивает детина с дубиной и добросовестно дубасит испытуемого до тех пор, пока у него глаза не вылезут из орбит. После чего спокойно уходит, предоставив пострадавшему возможность философски поразмышлять о неожиданной новизне открывшейся картины мира. Несколько отличающейся от той единственно правильной, которая имела в наличии всего каких-нибудь пять минут назад. Пара-тройка таких убеждений (в зависимости от упрямства клиента) дает отличный положительный результат. Он сам начинает неожиданно соображать, что кое-что в этом мире может выглядеть не совсем так и даже совсем не так, как он до сих пор себе представлял. А дальше уже дело техники. Бог ведь умом ученых не обидел. Это, конечно, грубый пример. Отдающий даже садизмом. Поэтому он требует дополнительных пояснений. Они таковы. Здесь главное – внезапная утрата возможности каким-либо образом повлиять на неожиданно возникшую нестандартную ситуацию (например, просто удрать).

Эзотерики именно об этом пытаются сказать, когда повествуют об опыте людей переживших катастрофу. Они сообщают, что после этого *мировоззрение* людей меняется иногда радикально. В целом они становятся терпимей, мягче, даже добрей и по-другому оценивают то, что раньше казалось незыблемым. Об этом же намекает народная наблюдательность, выражаемая поговоркой: «кого Бог любит, того и наказует».

Радикальный же способ «остановки мира» изобретен, конечно, самим Богом. Он называется просто – *смерть*. Представим себе такую картину. Душа, хотя это и кажется невозможным, к прискорбному изумлению почившего, вдруг действительно оказывается бессмертной. Или же смертной, но с возможностью повторных воплощений. И что же мы получаем в итоге? Клиент все помнит, чувствует и понимает, но, будучи развоплощенным, абсолютно не в состоянии более повлиять каким-либо образом на дальнейшие судьбы мира. Еще вчера он был научным бароном, способным по собственному произволу кого угодно «задробить» или «не пропустить». А уже сегодня его преемник, плюнув на его могилу, смеет говорить нечто прямо противоположное тому, что требовал от него вчерашний патрон. Даже не потому, что он действительно так думает, а лишь для собственного удовольствия. Никто из вчерашних вернейших клеветников, даже не вспомнит о его недавнем существовании. И как бы при этом не бесновался «упокоенный», изменить это он просто не в состоянии. И пребывает в собственном *душевном аду* до тех пор, пока действительно не примирится и не раскается (ложное покаяние здесь попросту не проходит, поскольку заведомо все видно насквозь). Только тогда ему может быть разрешено повторное воплощение с возможностью приятного повторения прошлых заблуждений.

Вот так в итоге какими-то нелепыми боковыми скачками и движется вперед наука. Через одно отрицание к другому отрицанию, теперь уже вчерашнего отрицания. А вовсе не в результате добросовестного и конструктивного обсуждения проблемы с отысканием наилучшего логического ее решения. Без обязательного учета обидчивости авторитетов.

И кое-что еще объективно заставляет ученых упорно отстаивать заблуждения. Ведь стать ученым означает пройти известные этапы. Одна защита, другая защита. Пяток десятков публикаций. Где необходимо проявлять полнейшую лояльность, иначе крах, никакой защиты даже и не предвидится. А это и называется продать душу дьяволу. Как после этого дать задний ход?

Легко говорить А.Т. Фоменко. Он ведь не связан с исторической традицией, т.к. специализировался совсем в другой области. Тоже, конечно, имеющей свои табу. И твердо знает, что здесь он никогда не получит никакого ученого звания. Даже несмотря на то, что именно он и является крупнейшим современным историком. Возникает парадоксальная ситуация, когда величайший представитель данной науки формально оказывается вне ее.

Почему Фоменко не стать Эйнштейном

В самом деле, почему ученые так упорно защищают Эйнштейна и столь же упорно опровергают Фоменко? Такой вопрос терзает критиков теории относительности, усматривающих бесплодность ее учения.

Конечно, критикуемые тексты сложны для понимания и даже намеренно усложнены. И это может иметь две причины. Во-первых, неумения авторов внятно изъясняться (и мыслить) и, во-вторых, намеренным затуманиванием изложения.

Можно привести такое простейшее наблюдение. Однажды нужно было сделать какой-то расчет по формулам, описанным в журнале «Опτικο-механическая промышленность». Что и было выполнено с соответствующей ссылкой на текст журнала. Однако последовало «ценное указание»: не нужно писать название журнала полностью, а то ведь всякий сразу поймет, откуда ведется цитирование. А если написать сокращенно «ОМП», то это будет выглядеть, во-первых, наукообразно, т.е. глубокомысленно, и, во-вторых, не всем понятно. А значит и проверять не станут или не смогут.

При этом критику для прояснения вопроса необходимо, прежде всего, его переформулировать, изложив своими словами. Но сделать это по определению невозможно, т.к. всегда может быть сделано заявление, что этим самым вносится отсебятина, грубо искажающая истинную мысль автора. Зато в случае согласия с автором такая отсебятина никаких возражений не вызывает. Избежать же таких обвинений можно единственным способом – строго следуя слово в слово указанным текстам. А это означает простое их цитирование без всякого рассмотрения по существу. Это относится не только к Эйнштейну, но и к любому «великому» философу. Критики Эйнштейна, похоже, не понимают, чем вызвана «правильная» позиция. Подозревается своего рода заговор ученых. Причем злонамеренный. Заговор-то, положим, имеется, но вовсе не тот, который предполагают. Критики как будто не замечают, что «апологеты» могут даже любить Эйнштейна. За что? Да именно за то, что это как раз благодаря ему открылось великое множество «диссертабельных» тем, которые *идут*.

Смысл которых в бесконечном истолковании и объяснении друг другу «великого учения».

Что толку в существовании работ, в самом деле решающих те или иные вопросы? Они помогают писать диссертации? – Ничуть. Решенный вопрос просто перестанет существовать в качестве научной проблемы. А значит нужно искать какую-то другую проблему. Решение которой нисколько не гарантировано, а ее «диссертабельность» сомнительна. Ну и кто захочет рискнуть остаться при этом ни с чем? А тут все более чем надежно – знай себе переписывай сто лет подряд взад-вперед формулы, комментируй их, как бог на душу положит, не вступая ни в какое обсуждение по существу – и готово дело, материал подвигается, диссертационный «кирпич» постепенно пухнет. Научный вклад выглядит весомым (если под этим понимать физический вес самой диссертации). А дальше начинается пожизненное существование в приятном ранге ученого. Кого за это нужно благодарить?

А как у А.Т. Фоменко? Тут все ведь обстоит с точностью до наоборот. Дело не в патриотизме, хотя живущему на Руси и не рекомендуется ее любить. Главное в другом.

Его исследования делают абсолютно ненужными чуть ли не 90% не то, что каких-то там диссертаций, а и всякого рода «трудов» историков. Требуя от них доказательства чуть ли не каждого утверждения. А где их взять? То ли дело до него – разок ковырнул лопатой, вывернул какой-нибудь черепок, глянул на него одним глазом – и вот, пожалуйста, готово «научное открытие» - этому черепку ровно 15 тысяч лет! А вот теперь по уточнению А.Т. Фоменко – с точностью до плюс-минус 15 же тысяч лет. То есть все эти датировки являются чистой фикцией.

Поэтому все исследования, обрушивающие в никуда Гималаи и Эвересты такого рода научных опусов, всегда были и будут гонимы, а их авторы, мягко говоря, не очень любимы.

А все сенсации, ничего не меняющие по существу, и наоборот только лишь усложняющие проблему, открывая возможность бесконечного ее «исследования» — весьма ценимы учеными.

В общем, феномен А.Т. Фоменко — это своего рода повторение одного из подвигов Геракла. Чистящего Авгиевы конюшни. А в чем состоит этот подвиг? В том, что ему с трудом удалось удрать от толпы разъяренных конюхов, внезапно лишившихся хлебной работы.

Литература:

1. «Новая Хронология Египта»/ Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко — 3-е изд. доп. и испр. М.: АСТ: Астрель, 2007, с. 440-442.
2. Карлос Кастанеда «Путешествие в Икстлан» «Миф», М. 1992, с. 7- 9, 221-220.

Дополнение.

Вопросы психологии (и не только историков).

«Начиная с XIII века имеется уже более богатый материал, — более богатый, но и более зыбкий. Писать историю — дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь наверняка, как все происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка. Когда сохранилось только одно-единственное свидетельство о некоем факте, он устанавливается нами без особых колебаний.

Нерешительность возникает лишь при наличии двух или более свидетельств о каком-либо событии, — так как они всегда противоречат одно другому и не поддаются согласованию.

Конечно, предпочтение того или иного исторического свидетельства всем остальным покоится нередко на прочной научной основе. Но она никогда не бывает настолько прочна, чтобы противостоять нашим страстям, нашим предрассудкам и нашим интересам или препятствовать проявлениям легкомыслия, свойственного всем серьезным людям. Вот почему мы постоянно изображаем события либо пристрастно, либо слишком вольно.

О трудностях, возникавших предо мною при составлении истории, я не раз заводил речь с археологами и палеографами, как нашими, так и иностранными. Но вызывал к себе одно лишь презрение. Они смотрели на меня с сострадательной улыбкой, в которой можно было ясно прочесть: «Да разве мы, историки, пишем историю? Разве мы стремимся извлечь из текста, из документа хотя бы крупницу жизни или правды? Мы попросту, не мудрствуя лукаво, издаем тексты. Мы во всем придерживаемся буквы. Только буква обладает достоверностью и определенностью. Духу эти качества недоступны: мыслить — значит фантазировать. Писать же историю могут только пустые люди: тут нужна фантазия».

Все это я читал во взгляде и в улыбке наших известных палеографов, и беседа с ними глубоко меня обескураживала. Но как-то раз, после разговора с одним из светил сциллографии, повергнувшего меня в полное уныние, мне вдруг пришла в голову такая мысль: «Однако ведь существуют же историки, ведь не совсем же вывелась эта порода людей! В Академии наук их сохранилось пять-шесть. Они не издают текстов — они пишут историю. Уж они-то не скажут мне, что лишь пустые люди способны к такого рода занятиям».

И я приободрился.

На другое утро, как выражаются обычно (или наутро, как следовало бы сказать), я пошел к одному из них, человеку преклонных лет и тонкого ума.

— Милостивый государь! — сказал я ему. — Прошу вас помочь мне своим просвещенным советом. Я все силы свои полагаю на то, чтобы составить историю, но у меня ничего не выходит!

Он пожал плечами.

— Зачем же, голубчик, так утруждать себя составлением исторического труда, когда можно попросту списывать наиболее известные из имеющихся, как это принято. Ведь если вы выскажете новую точку зрения, какую-нибудь оригинальную мысль, если изобразите людей и обстоятельства в каком-нибудь неожиданном свете, вы приведете читателя в удивление. А читатель не любит удивляться. В истории он ищет только вздора, издавна ему известного. Пытаясь чему-нибудь научить читателя, вы лишь обидите и рассердите его. Не пробуйте просвещать его, он завопит, что вы оскорбляете его верования.

Историки переписывают друг друга. Таким способом они избавляют себя от лишнего труда и от обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальным. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение.

— Неужели, сударь, вы думаете, — прибавил мой собеседник, — что я добился бы такого признания и почета, если бы вводил в свои исторические книги какие-нибудь новшества! Ну, что такое новшество? Дерзость — и только!»

Анатоль Франс.